

◆ НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ПОСТИГАЯ НОВЫЕ ГЛУБИНЫ

Известный советский писатель Е. А. Пермяк долгие годы был связан дружбой с П. П. Бажовым. Ему он посвятил свои жемчужины «Долгояковской мастер». В канун юбилея нашего земляка корреспондент «Вечернего Свердловска» связался по телефону с Москвой и попросил ЕВГЕНИЯ ПЕРМЯКА ответить на несколько вопросов.

— Евгений Андреевич, не стареют ли «сказы старого Урала», созданные Павлом Петровичем Бажовым!

— Напротив — с годами в них постигаются все новые и новые глубины. Например, сказ «Живинка в деле», утверждающий вдохновенные поиски, творческие находки нового, совершенного в труде, говоря языком современности — наиболее производительного, не померкнет никогда. Не померкнет потому, что в этом заключена суть коммунистического труда. Труд-радости, труд-наслаждения... Труд, не только обязательного условия жизни, но и ее сути, ее смысла и всего того, что отличает труд-счастье от труда-кабалы.

— Теряют ли что-то сказы Бажова при переводе на другие языки?

— Хотя во всяком языке свои лексические тонкости, фразеологические особенности, тем не менее четко и отчетливо кованные концепции, коллизии, столкновения порабощенного и поработителя не деформируются, если так можно выразиться, понятны каждому труженику, если даже в его языке несколько сотен слов. Поэтому Бажов, оставаясь корифеем нашего уральского, рабочего сказа, со всеми особенностями языка, становится понятен, близок и дорог труженику любого континента нашей земли. Соль истины всегда остается ею на любом языке.

Человек, создавший этот новый сказочный цикл, выведший в свет большую семью новых сказочных героев, сам будет вечен, как вечно истинное мастерство.

БОРИС ПОЛЕВОЙ.

— Вы в центральной печати утверждали, что якобы некоторые книги о Бажове недостаточно полны. Чего же именно в них недостает?

Того же, чего у большинства восторгающихся чудо-деревом — пальмой. Они прославляют пышную малахитово-зеленую, нарядную крону, воздают справедливую и заслуженную дань плодам и опускают из поля внимания могучий, прямостоящий, твердородный ствол, питающие ее глубокоразветвленные живительные корни, которым и только которым обязаны своим очарованием крона пальмы и ее плоды. «Малахитовая шкатулка» — блистательный венец подвижнической жизни коммуниста Бажова, но... Но я говорю — венец, а не сам Бажов. Не его подвижническая жизнь, забывая или скользком касаясь которой иные бажоведы, может быть, и не желая того, отделяют малахитовую крону от всего дерева.

— Евгений Андреевич, что вам кажется особенно примечательным в стволе-жизни Павла Петровича и корнях его биографии!

— Очень многое. И пожалуй, все, начиная с Сысерти и кончая уходом, уходом в бессмертие. Но особенно я люблю и ценю Бергулю. Он — как плацдарм дальнейшего восхождения. Этот самый Бергуль, ныне село Северного района Новосибирской области, в жизни Бажова был подпольным горнилом 1919 года, повстанче-

ским огнем, закалившим Павла Петровича в вооруженной, победной схватке с превосходящими численно, но не идейно колчаковскими силами. Не случайно в селе Бергуль сейчас возникает, после Свердловского, второй мемориальный дом-музей Бажова, в котором Павел Петрович жил под именем учителя Кирибаева, руководил созданным им глубоким бергульским подпольем и остался жить в Бергуле не только музейно, но и легендарно в светлой памяти детей и внуков соратников Бажова, трогательно и поэтично именующих себя «Бажатами». У каждого партийного руководителя есть «Малая», пусть маленькая, но своя памятная и бесконечно дорогая «земля».

— Что бы вы пожелали

Свердловскому дому-музею Бажова!

— То же, что и Бергульскому. Сохранить в доподлинно-мемориальной неприкосновенности весь антураж жилища тех лет, освободив его от всего приходящего и комментирующего жившего в нем, переведа этого комментирующего и объясняемого в отдельный пристрой дома.

— И последнее — что, на ваш взгляд, остается недоизданным из литературного наследия Павла Петровича Бажова!

— Самое главное — после «Малахитовой шкатулки» — это эпистолярный том, который я бы озаглавил «Письма ко всем». Павел Петрович вел дневников, их ему заменяли сны и сотни писем, которые, прошу поверить на слово, являются превосходными художественно-публицистическими произведениями. Они станут не просто увлекательным, но полезным, глубоко поучительным чтением для всех возрастов... И, смею заверить, — на многие годы. Все созданное Павлом Петровичем дальноприцельно и далеко не «сиюминутно».

«ЭТО БЫЛ ПРАЗДНИК»

Заслуженный артист РСФСР В. НАУМКИН — о первой постановке «Каменного цветка».

К балету А. Фридендера «Каменный цветок» свердловский театр обратился сразу же в послевоенные годы. Время еще было трудное, небогатое, и вдруг на сцене предстало такое яркое, необычайно зрелищное! Мы впервые столкнулись с бажовской темой, уральским колоритом, и это нас необычайно увлекло. Спектакль стал раздольем для актерского проявления. Каждая роль оказалась интересным характером с музыкальной и драматической нагрузками. Вначале я танцевал Бриллианта из царства самоцветов, а в последующих спек-

таклях мне поручили Данилу-мастера. Тут и говорить не приходится: целый калейдоскоп танцев, мыслей, чувств.

П. П. Бажов несколько раз приходил к нам на репетиции, что-то уточнял по ходу спектакля, рассказывал о своем понимании образов. Помню, что наша работа ему нравилась, он был рад видеть своих героев на балетной сцене.

После мне еще раз пришлось столкнуться с бажовским миром поэзии — в опере «Каменный цветок» народного театра на ВИЗе я выступил как балетмейстер.